

дет все готово пусть смело едут. Правда, многие приехавшие со мною уходят работать на фабрики и заводы, но и они вернутся, так как работу найти трудно. Ушедшим я прекращаю выдачу денег на доколье. Я делаю все, что могу и если к нам поступят жалобы против казаков, не верю никому, ибо они исходят от людей, отделившихся и чем либо не довольных, которые уже самим фактом отделивья приносят нам много неприятностей, не желают помочь переселению казаков в Перу. Это люди или слабые или не честные. Атаманы должны верить или своему представителю или приговору подписанным всеми казаками станицы. Всем известно, что люди в последнее время разболтались, что забывают о казачестве и вообще если кто пообещает больше, то забывают общие интересы и дружбу. Любят поинтриговать и вообще большинство стремится только к своим личным выгодам. На этой почве могут возникать и споры и всякие недоразумения, а также и несправедливые информации. Оставили колонию: отец и сын Алюминсвы, Подкольеви, Бао, Усатов. Обидно, что и некоторые видные казаки ведут двойную политику, но о них я еще не буду говорить, это вопрос будущего. К великому огорчению должен сообщить, что приехавший в Перу полковник Донского Войска Ковалев, стоит всецело на стороне концессионера, потакавая ему во всем во вред общему делу казачества. Такое его поведение могу объяснить только тем, что он, сидя в Лиме без работы пользуется материальной поддержкой Короленки, забывая об интересах общеказачьих. Этот полковник Ковалев не приехал с нашей группой, а зная очень хорошо испанский язык прибыл самостоятельно в Перу и занимается переводом книг и состоит корреспондентом в некоторых газетах. Есть люди честные, которые думают не только о себе, а о целом казачестве и его благе — эти останутся со мною и будут работать для тех, которые приедут.

Уезжая я дал слово Кубанскому атаману на каких условиях не бросать казаков. Несмотря ни на что я беру на себя тяжелую ответственность за судьбу пошедших за мною людей и, отбрасывая личные выгоды, доведу дело до желанного конца. При поддержке и симпатии местного духовенства и населения мы выберем лучшие терренсы, пригодные для всяких культур и здоровые климатически, а не выгодные только концессионеру. Как доказательство симпатии населения прилагаю копию телеграммы, подписанную виднейшими жителями провинции в которой живут казаки, в виде протеста на статью Короленки, направленную против меня и казаков. А также экземпляр договора с правительством о колонизации. Список всех казаков, оставшихся в колонии и желающих продолжать общее дело пришлю в следующем допоселении. Еще раз обращаюсь через Атамана с просьбой к казакам не разрушать организацию и ехать только на землю, где каждый в течении года будет получать пособие, а люди рассчитывающие устроиться в городах заранее обречены на голод и разочарование и немедленно лишаются гайка.

Правительственный шеф колонии и Войсковой Атаман: генерал Павличенко. Адъютант: сотник Черепов. Представитель Атамана в Лиме полковник: (подпись неразборчива). Станичный писарь: сотник Ветров.

У калмыков в Белграде.

Белый месяц. Белградские казаки-калмыки, при наличии Буддийского Храма, смогли отпраздновать свой большой праздник Цаган-Сара при более торжественной обстановке и со всеми обрядами присущими ему. Богослужение началось с вечера и тянулось до половины четвертого и после часового перерыва до восьми утра.

Тесно, прижавшись друг к другу, расположились, сидя на полу в храме, калмыки и калмычки. Были тут и дети и старики, убежденные сединами. Чувствовалась замкнутая, тесная, плечо к плечу, рука к руке, спаянная возвышенным чувством религиозности одна неразрывная семья. Есть что то трогательное в том, что всем присутствующим, тут-же, в храме разносят сладости, печенье, фрукты, борщики, поют калмыцким чаем и т. д.

— все, что с собой привезли в храм собравшиеся. Все это было нарезано и на больших тазов раздается среди молящихся.

Тянутся однообразные гортанные молитвы бакши и гелкнов, мягко стучат бубны-кенкерта и, изредка, бакша, ударяя в медные тарелки, усиляет темп, а звенящие, подобранные колокольчики разносят радостную весть о грядущей заре, с приходом которой рухнул последний оплот противников Будды.

Ночь бдения прошла.

Ушли грехи, забыты или забудутся былые страдания, рассеялась черная прохладная ночь, пришел Белый месяц, наступил Белый месяц — Цаган-Сара.

Служба окончена. Все иланяются и несут сперва на алтарь, потом бакше свои скромные дары. Бакша приглашает всех закусить в другие комнаты, отпраздновать первый день. Не вставая со своего места, говорит он всем собравшимся за столом свое слово. Его переводит пр. Хара-Даван:

— Гг. Ввиду того, что здесь присутствуют казаки не калмыки, я перебедаю только что сказанную речь нашего бакши Умальдинова. Он сказал, что он, бакша испытывает нравственное удовлетворение, совершая службу на великий наш праздник Цаган-Сара в своем калмыцком храме. Он счастлив, что вся паства собралась помолиться в эту ночь и, сейчас, за нашей трапезой, вкратце рассказал жизнь Будды. Как трудно было Ему, достигшему степени Будды в 38 лет, проповедывать свое высоко-философское и чистое учение в атмосфере косности и непонимания со стороны широких масс, при наличии в те времена в Индии сильного религиозного движения... Сколько героических усилий пришлось ему совершить, чтобы к 56 годам своей жизни увидеть достижение своей цели. Мы празднуем тот момент, когда один из его учеников был заключен в темницу и, после долгого томления, был освобожден своими последователями. Этот восход солнца, который мы встретили сегодня, знаменует торжество и победу Буддизма. Когда к Будде пришли индийские раджи и сановники, когда пришли тысячи уверовавших и поклонились Ему, он увидел, что Истина восторжествовала.

Проповеданная нами в бдении ночь почитается тысячелетиями. В три часа — ученик Будды был освобожден из плена, а на заре, вкушенная нами трапеза, тоже знаменует святой обряд.

Благословляя ее, Будда сказал:

— „Радуйтесь и вкушайте всех благ земных и наслаждайтесь ими“.

У стола калмыцкий мужской хор запел свои песни и ожила в них прекрасная, вечно-любимая казачья степь, заструился Тихий Дон и полноводная Волга — в этих песнях и свист аркана, и пение стрелы, и конский топот.

После мужчин, выступили женщины. Посущество, калмычки поют песни своих мужей — та-же ширь, та-же степной воинственный напев, и та-же глубокая затаянная печаль.

В 9¹/₂ часов гости расходятся. Гелюны обнимаются с казаками при расставании. Все радостно и оживлено. Эти дни будут полны дружеских встреч, бесед и надежд.

Пришел Белый месяц, наступил Белый месяц — Цаган-Сара.
1 марта, 1930.

(Соб. Кор.)

Из жизни калмыков в эмиграции.

15 февраля с. г. состоялось годовое собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР. Присутствовали на собрании все члены Комиссии. Председатель Комиссии Б. Н. Уланов сделал обстоятельный доклад об общей деятельности комиссии за истекший год и о плане работы комиссии на будущий. Секретарь комиссии Ш. Н. Балинов делает подробный доклад о финансовом состоянии комиссии и предлагает вниманию Собрания принятый Президиумом проект сметы на 1930 г. Затем председатель ревизионной комиссии Д. И. Ремилев делает доклад о ревизии дел.

Общее годовое собрание Калмыцкой Комиссии К.